

«Партия бога» в борьбе за власть

1

«Хезболла»¹ — ливанская шиитская группировка, которая в своей деятельности давно перешагнула за рамки не только Ливана и Ближнего Востока, но даже Старого Света и превратилась в настоящего глобального игрока мировой борьбы за власть, информацию и ресурсы. Две книги, речь о материале которых пойдет ниже, хорошо дополняют друг друга: Дж. П. Харик — одна из крупнейших в США и в мире специалистов по «Хезболле» — анализирует историю превращения этой организации в политическую силу, детально информирует о ее стратегии; М. Левитт — сотрудник Вашингтонского института, директор Стайновской ближневосточной программы по контртерроризму и разведке — рассматривает глобализирующуюся роль «Хезболлы» в нынешнем мире.

«Хезболла», пишет Дж. П. Харик, возникла в напряженной атмосфере конфликтов — внутриливанского и палестино-израильского. В отличие от других фундаменталистских организаций, она никогда не ставила главной практической целью заменить светское государство в своей стране исламской республикой. Этому мешали наличие многочисленной христианской общины и традиционная антипатия между шиитами и суннитами. Приоритетом лидеры «Хезболлы» сделали джихад против израильтян как «узурпаторов мусульманских земель». Также, в отличие от других фундаменталистских движений региона, «Хезболла» после превращения в политическую партию мейнстрима активно стремилась к примирению и сотрудничеству с властями Ливана, к интеграции в социально-политическую жизнь страны.

Импульс созданию «Хезболлы» дало исчезновение лидера шиитского движения имама Мусы ас-Садра. В 1974 году он основал Движение обездоленных, которое выступило за реформу существующей политической системы

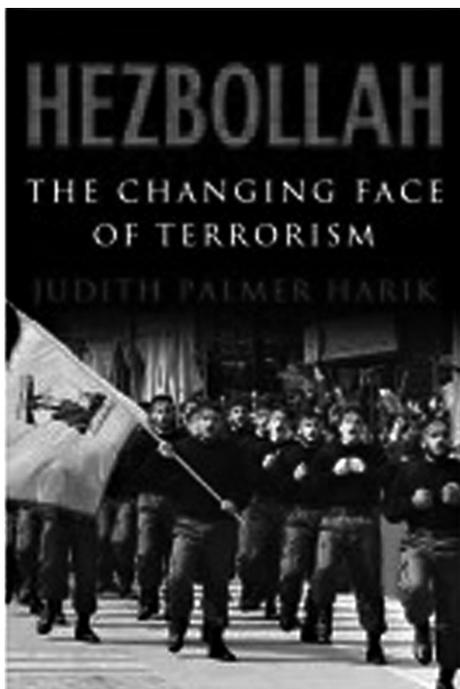
ФУРСОВ Андрей Ильич — директор Института системно-стратегического анализа, директор Центра русских исследований МосГУ, академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия).

ФУРСОВ Кирилл Андреевич — старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник Института экономики РАН, кандидат исторических наук.

Ключевые слова: «Хезболла», Ближний Восток, Ливан, Иран, Израиль, Палестина, исламский фундаментализм, шиизм, терроризм.

¹ Принято написание, искаженное французской транслитерацией; точное написание (и произношение) названия этой организации по-арабски — «Хизбуллах».

Harik J. P. Hezbollah:
The Changing Face of Terrorism (*D.*
[Харик Дж. П. «Хезболла»:
меняющееся лицо терроризма]
L.; N. Y.: I.B. Tauris, 2004. XIV, 241 p.

«Исламский джихад», «не замечая» средств, которые присылали им спонсоры из Персидского залива. Правда, добившись успеха в снижении популярности ФАТХ, Израиль вскоре оказался лицом к лицу с исламистами-моджахедами.

М. Левитт считает «Хезболлу» продуктом попыток Ирана собрать под одной крышей разнообразные боевые шиитские группы Ливана, которые сами были продуктом внутренней и региональной нестабильности того времени. С одной стороны, «Хезболла» выросла из сложной и кровавой гражданской войны, в которой исторически маргинализованные мусульмане-шииты Ливана впервые попытались утвердить свою экономическую и политическую силу. С другой стороны, «Хезболла» была побочным результатом попытки Израиля своим вторжением в 1982 году в Южный Ливан» разрушить Организацию освобождения Палестины (ООП) (*см. II. P. 11*).

«Хезболла» целиком согласна с палестинскими фундаменталистскими группами по вопросу применения силы против государства Израиль для его уничтожения и пользуется любой возможностью, чтобы подтолкнуть ХАМАС и «Исламский джихад» к действиям... Тем не менее тактика, которую используют боевики «Хезболлы» в Южном Ливане против израильской военной оккупации, отражает уникальную военно-политическую ситуацию в этом районе, как и демографические и топографические условия, не похожие на таковые Западного берега и Газы» (*I. P. 27*). Начав как иррегулярные отряды без связи с ливанским правительством, «Хезболла» при поддержке Сирии и Ирана регулярно нападала на израильские части и помогавшее им ливанское ополчение — Армию Южного Ливана (АЮЛ) — в «зоне безопасности», куда отступили израильтяне после неудачной попытки достичь

Ливана. Когда началась гражданская война, у движения появилось боевое крыло — Батальоны ливанского сопротивления (арабская аббревиатура — АМАЛ). В 1978 году ас-Садр во время поездки в Ливию внезапно исчез, а его преемник Набих Берри изгнал из движения исламистские элементы. Объединившись с другими шиитскими группами, включая Союз мусульманских студентов и ливанскую партию «Дава», они основали «Хезболлу». Основой ее полувоенных сетей в первые годы были такие кланы, как Мусави и Хамади.

Важным фактором исламского возрождения стало очередное поражение арабов от Израиля в 1973 году. В Палестине радикальные фундаменталисты возникли позже, чем в других странах, когда неэффективность ФАТХ Арафата и Народного фронта освобождения Палестины позволила радикальному исламу взойти на политическую сцену. При этом израильтяне сами способствовали фундаменталистским группам ХАМАС и

политических целей вторжения 1982 года. Одним из ответов Израиля и США было приклеивание «Хезболле» ярлыка террористической организации. В ее интересах было избавиться от такого ярлыка, поэтому принятая ею тактика отличалась от той, что разработали ХАМАС и «Исламский джихад».

Когда началась гражданская война в Ливане, Сирия и Израиль оказались вовлечены в нее, хотя избегали соприкасаться. Однако позднее в Ливане произошли события, в результате которых Асаду представился шанс вернуть Голанские высоты: изгнание боевиков ООП с израильско-ливанской границы в 1982 году, которое оставило там военно-политический вакуум, и укрепление пограничной зоны Ливана израильскими войсками и суррогатной силой АЮЛ в 1985-м. Асаду требовалась собственная суррогатная сила, способная обеспечить напряженность в этом районе, чтобы поддерживать проблему Голан, а также помощь с тыловым обеспечением данной стратегии. Решениями проблемы стали «Хезболла» и Иран.

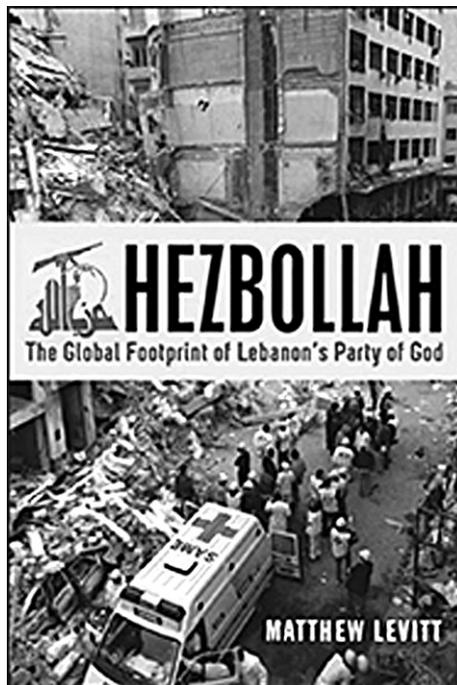
Ливанские фундаменталисты-шииты, подчеркивает Дж. П. Харик, хотели играть роль в борьбе с Израилем. Иранская Революционная гвардия могла помочь им создать организационную структуру и сплотиться вокруг местного руководства. Поддержка Ираном складывающейся группы, которая станет «Хезболлой», диктовалась двумя внешнеполитическими целями: возможностью бороться с Израилем через подставную организацию и распространением шиитского влияния в Ливане. Что касается светского режима Асада, то он намеревался контролировать «Хезболлу» так же плотно, как и другие партии под военно-политическим «зонтиком» Сирии.

Когда было решено, что острием борьбы с Израилем в Южном Ливане станет «Хезболла», члены иранской Революционной гвардии были отправлены в Бекаа помогать инструкторам ООП обучать боевиков. К середине 1980-х годов «Хезболла» мобилизовала около 7 тысяч партизан (см. I. P. 40). Для многих молодых ливанцев членство в организации означало обретение средств к существованию в разоренной войной зоне. Когда Израиль в 1985 году объявил, что не уходит из Ливана полностью, а создает «зону безопасности» глубиной 10 и длиной 79 километров, чтобы защищать свои северные деревни от проникновения боевиков, «Хезболла» была готова оппортировать это решение с оружием в руках. В 1985—1990 годах Израиль получил в Южном Ливане свой мелкомасштабный Вьетнам.

«Внутренняя и внешняя динамика ливанской гражданской войны была важным фактором подъема «Хезболлы» и ее траектории развития. Однако

Levitt M. Hezbollah: The Global Footprint of Lebanon's Party of God (II)

[Левитт М. «Хезболла»: глобальные следы деятельности ливанской «Партии бога»]
L.: Hurst, 2013. XVI, 407 p.

фактором, который позволил “Хезболле” продолжать свой джихад против Израиля под эгидой послевоенного ливанского режима, было постепенное приобретение Сирией политического преобладания в Ливане. Этот процесс принес “Партии бога” легитимность как подлинной ливанской партии и придал ее борьбе с израильскими военными и АЮЛ вид национального сопротивления» (I. P. 43).

В то же время с начала 1990-х «Хезболла» взяла курс на участие в политической жизни Ливана, активно используя свои социальные сети. К 1990 году, когда организация начала планировать участие в выборах, чтобы продемонстрировать истинность своей трансформации, она уже несколько лет управляла широкой сетью социального обеспечения в долине Бекаа и южном пригороде Бейрута — «дахийи». Еще большую положительную репутацию «Хезболла» приобрела за вооруженную борьбу с израильскими и их марионетками в Южном Ливане. «Участвуя в выборах 1992 года, “Хезболла” четко сигнализировала, что сменила свой радикальный курс и соблюдает освященные временем правила ливанской предвыборной игры. Более того, эта игра как бы быстро увеличила легитимность “Партии бога” в качестве партии мейнстрима с крылом сопротивления, поскольку в результате своих побед на выборах она сформировала в новом парламенте крупнейший отдельный блок — 12 из 128 членов. Это, похоже, нанесло удар попыткам Израиля и Америки обвинять “Партию бога” в безответственном и беспринципном поведении, которое на Западе обычно ассоциируют с наемниками» (I. P. 52).

В трансформации партии сыграли роль основополагающие шиитские установки. Еще в ранней истории шиизма утвердился принцип, согласно которому его адепт должен сопротивляться коррумпированной власти, но с важной оговоркой: пока такое сопротивление не угрожает его жизни. Кроме того, сыграл роль тот факт, что понятие джихада довольно широко; оно включает не только войну с неверными, но и борьбу с собственными пороками или любые усилия ради ислама и уммы — такие, как попытки обратить немусульман или содействовать моральному или политическому развитию исламского общества. Учитывая все это, «Хезболла» могла легко оправдать свой переход к участию в политической жизни Ливана.

«Как и эта гибкость понятия “джихад”, сознательная неопределенность руководства “Хезболлы” относительно его целей, когда его спрашивали об этом предмете, помогала смягчить или отложить в долгий ящик разногласия, окружавшие смену им курса. Когда лидеров “Хезболлы” спрашивали, не означает ли примирение с правительством, что она отказалась от идеи установить в Ливане исламскую республику, ответ всякий раз не был ни твердым “да”, ни твердым “нет”. Вместо этого признавалось, что “объективных условий для создания исламистского государства нет»» (I. P. 59). Ливанцы хорошо понимают практику «такийя» — стратегической лжи там, где дело касается религии. Шейх Туфайли на посту генерального секретаря организации был заменен более гибким шейхом Аббасом аль-Мусави. «Хезболла» начала отпускать похищенных иностранцев. После убийства Мусави в 1992 году генеральным секретарем стал Хасан Насралла.

Приобретению «Хезболлой» респектабельности содействовал уважаемый в Ливане алим Мухаммад Фадлалла. Он считал, что из-за неоднородности религиозного состава населения невозможно насадить в стране исламский режим, и поэтому выступал за сосуществование общин и внедрение эти-

ческих принципов религии в повседневную жизнь. Вместе с тем Фадлалла защищал идею вооруженной борьбы с врагами ислама, критикуя внешнюю политику США и Израиля. Он не был членом «Хезболлы», но из-за близости взглядов стал известен как ее «духовный наставник» и во многих случаях красноречиво объяснял и оправдывал ее действия.

До «Хезболлы» ни одна религиозная партия во главе с духовными лицами не участвовала в ливанских выборах. Поэтому ей было важно убедить общественность, что программа исламизации больше не входит в число ее приоритетов. Первоначально на исламистов смотрели с подозрением не только христиане Ливана, но и мусульмане, включая светски настроенных шиитов. Принять «Хезболлу» ливанцам помогло то, что теракты против американцев и французов в 1980-е годы воспринимались многими как оправданные акты отчаяния. К тому же «Хезболла» никогда не признавала свою причастность к ним, да и США не представили конкретных доказательств. И все же лидеры «Хезболлы» понимали, что образ агрессивного религиозного фанатизма не сослужит им хорошей службы на политической арене, какой бы хаотичной она ни была. Поэтому еще в 1985 году «Хезболла» направила в бейрутскую газету открытое письмо, где выразила умеренные политические цели, хотя одновременно пыталась мобилизовать шиитов вокруг радикальных исламских взглядов. Это письмо — пример раннего использования тактики идеологической двойственности, которая позднее стала для «Хезболлы» характерной.

«Было бы даже справедливо сказать: то, что многие называют “трансформацией” “Хезболлы” в 1990-е годы, возможно, было скорее трансформацией политической системы, которая открыла путь исламистам к участию в жизни нации, так как некоторые реформы, к которым призывала “Партия бога”, были проведены, и большее представительство мусульман было достигнуто. В это время не только “Хезболла”, но и все бывшие члены левомусульманской коалиции из радикальных оппозиционных группировок сделали лояльны правительству» (I. P. 69). Сразу после решения своих лидеров участвовать в выборах 1992 году «Хезболла» стала проводить политику открытости — «инфитах», стремясь заручиться поддержкой христиан своей роли борца с оккупантами и пытаясь убедить их в возможности мирного сосуществования.

Дж. П. Харик считает, что репутация «Хезболлы» на Западе сложилась благодаря ее партизанским действиям, но динамикой своего роста и вхождением в мейнстрим она во многом обязана своей социальной деятельностью. «Хезболла» сумела обогнать все другие партии в предоставлении социальных и других публичных услуг в мусульманских районах. В то же время, в отличие от других исламских движений Ближнего Востока, она использует благотворительность как средство подчеркнуть и усилить свою легитимность ливанской политической партии, а не бросить вызов плюралистической системе страны. Причина состоит в том, что способность «Хезболлы» противостоять израильтянам зависит от хороших отношений с государством и широкой поддержки общественности.

Выдающаяся социальная роль «Хезболлы» стала возможной благодаря помощи Ирана, но она не состоялась бы без тщательного планирования и особого внимания к социальным службам самой организации. В результате разрушения администрации и служб в ходе гражданской войны лидерам ополчений пришлось создать мини-службы в подконтрольных им районах (электроэнергия, ремонт дорог, образование, здравоохранение и т. д.).

Финансовая помощь иранских институтов («бунядов») даже стала положительным фактором в восприятии «Хезболлы» в стране, так как она, в отличие от АМАЛ, не грабила распадающееся ливанское государство. Ее социальная деятельность выгодно выделяется и по масштабам: шиитские районы Ливана (Бекаа и юг) долгое время игнорировались центром с точки зрения развития инфраструктуры и социальных институтов. Победив АМАЛ в сражении за «дахийю» в 1989 году, «Хезболла» оказалась ответственной за полмиллиона жителей, многие из которых были шиитскими беженцами с юга. Организация быстро приступила к налаживанию социальных служб и в нескольких муниципалитетах заменила собой государство. Оказываемые больницей «Ар-Расул аль-Азам» медицинские услуги распространяются не только на раненых боевиков и мирных жителей, но и на все население района (платит за них Иранский фонд мучеников). Организация управляет собственными начальными и средними школами, где учат по национальной программе с добавлением нескольких часов в день религиозных штудий.

Больше всего жители «дахийи» были благодарны «Хезболле» за восстановление водопровода, разрушенного в годы войны. Группировка осуществляет и другие общественные проекты: организовала субсидируемые мастерские для занятости членов семей погибших или потерявших трудоспособность боевиков, каждую осень продает школьные учебники по сниженной на 30 процентов цене.

Достоверная информация об объеме средств, которые «Хезболла» получает от Ирана, недоступна, но ежегодно — это десятки миллионов долларов (см. I. P. 87). Они тщательно распределяются на различные проекты через Кампанию реконструкции. Благодаря деятельности «Хезболлы» с 1988 года возникают сельские кооперативы. От обеспечения дешевыми домами жителей, которые потеряли жилье в результате израильских бомбежек, «Хезболла» перешла к строительству домов, доступных для широких слоев населения. Организация безвозмездно предоставляет бедным крестьянам сельскохозяйственную технику, снабжает их семенами и удобрениями по ценам ниже рыночных, наладила кредит. Один из таких фондов обслуживает 4 тысячи семей в 115 деревнях юга, другой — 800 семей в округе Бекаа. Членские взносы составляют всего 7 долларов в месяц и включают медицинскую страховку, которую не предоставляет Министерство здравоохранения (см. I. P. 88).

На фоне успехов «Хезболлы» ливанское государство сталкивается с серьезными финансовыми проблемами. В 1992—2001 годах государственный долг вырос с 4 до 17 миллиардов долларов; в 2000-м Ливан стал единственным государством в регионе с нулевым ростом экономики, а официальный уровень безработицы взлетел до 16 процентов (см. I. P. 93). Это означает, что Бейрут будет продолжать принимать помощь почти из всякого доступного источника, чтобы предотвратить социальный кризис.

Уже муниципальные выборы 1996 года обозначили ряд акцентов. Во-первых, «Хезболла» опирается на внушительные достижения в социальной и военной сферах, которые принесли ей значительную поддержку народа. Во-вторых, «Хезболла» хорошо адаптировалась к правилам политической игры Ливана. В-третьих, рост «Партии бога» не породил опасения, как в других странах Ближнего Востока, когда фундаменталистская организация пыталась идти в политику. В Ливане система ограничивает возможности

любой религиозной общины или политического движения доминировать в национальной политике. Поэтому в то время как конкуренция за голоса шиитов — открытая и яростная, у такой партии, как «Хезболла», нет шансов победить на национальном уровне, что позволило бы ей демонтировать систему. Более того, принцип «разделяй и властвуй», которым манипулирует Сирия, и при котором ни одной партии не позволено вывести из строя другую, позволяет сохранять серьезные препятствия к установлению гегемонии даже внутри шиитской общины. Сирия имеет важного союзника в лице лидера АМАЛ Набиха Берри, который благодаря своей должности спикера парламента обеспечивает «Хезболле» часть официальной поддержки. В довершение всего, поскольку приоритет партии — вооруженная борьба с Израилем, политические приобретения должны быть подчинены этой цели.

Военная организация, которая до установления нового политического порядка в Ливане действовала по указке иностранных держав, могла создать напряженность в отношениях с правительством, которое не чувствовало, что контролирует ситуацию. Однако политика, разработанная с 1992 года с целью противостоять атакам Израиля, обязана своим успехом именно этой напряженности и способности Сирии управлять ею, а не разрешить ее. Строгое следование ливанскими участниками политической игры неписаными правилам поведения, которые продиктовала Сирия во время военных операций Израиля, сделало использование им силы в Ливане контрпродуктивным. Это показали израильские операции «Сведение счетов» (1993) и «Гроздья гнева» (1996), а также менее масштабное вторжение 2000 года. С другой стороны, проводить эту политику было бы невозможно, перестань ливанское население поддерживать идею сопротивления.

Дж. П. Харик обращает внимание на противостояние «Хезболлы» и премьер-министра Ливана Рафика Харири, который вновь победил на выборах 2000 года, поскольку в условиях роста безработицы и цен ливанцы считали его единственным политиком, способным спасти экономику страны. Новый приход Харири к власти отмечен стычкой с «Хезболлой» в феврале 2001 года, когда одна из операций исламистов против израильтян совпала по времени с визитом премьер-министра во Францию, а его кабинет пытался привлечь иностранные инвестиции. Харири в Париже постарался представить атаку как законный удар по оккупационным силам, но был близок к отставке, считая атаку неприемлемым вмешательством в дела государства или даже сознательным вызовом со стороны «Хезболлы». Похоже, в кризис в отношениях между двумя сторонами вновь вмешался Дамаск, чтобы вернуть их на параллельные колеи.

Важным событием 2000 года стало начало второй палестинской интифады. Канал «Аль-Манар» освещал события, стремясь мобилизовать поддержку делу сопротивления. Палестинские группировки ХАМАС и «Исламский джихад» близки «Хезболле» в том, что считают вооруженный джихад единственным путем взаимодействия с Израилем. С 1996 года «Аль-Манар» показывает клипы на иврите; специальное бюро канала изучает израильские СМИ и собирает информацию для ведения психологической войны. Ни одно арабское правительство или организация до этого не использовали спутниковое сообщение для прямого вещания на приемники израильских граждан, что было новой формой вмешательства «Хезболлы» в арабо-израильский конфликт.

Хотя ливанское правительство (как и правительства многих других стран) не признает «Хезболлу» террористической организацией, Дж. П. Харик настаивает именно на такой характеристике. Она подчеркивает, что в опубликованном США 10 октября 2001 года списке 22 наиболее разыскиваемых террористов фигурировали трое — предположительно члены «Хезболлы». Одним из них был Имад Мугнийя, которого считают организатором терактов против американцев в 1980-е годы. Мугнийя — шиит с юга Ливана, родился в 1962 году. В середине 1970-х начал обучаться вместе с боевиками ФАТХ, которые участвовали в стычках на границе с Израилем. В начале 1980-х попал под влияние проповедей Фадлаллы и, находясь под впечатлением иранской революции, после вторжения Израиля в 1982 году обратился к хомейнистской версии политического ислама. Многие свидетельства указывают на членство Мугнийи в «Хезболле» и его важную роль в этой организации. По некоторым данным, в 1989—1991 годах он вместе с еще одним исламистом возглавлял ее центральный аппарат безопасности и отвечал за захват иностранных заложников. И все же вопрос о том, занимал ли Мугнийя официальный пост в руководстве «Хезболлы» или выступал координатором, открыт до сих пор.

В любом случае Вашингтон настаивал, что «Хезболла» — террористическая организация, и ливанское правительство должно выдать Мугнийю. Ливан выразил полную готовность сотрудничать, но дипломатично уклонился от американского требования, сославшись на то, что Мугнийя и его сообщники — давно не в Ливане. Обвиняя «Хезболлу» в терроризме, Вашингтон надеялся запугать Бейрут и высвободить руки для расправы с этой организацией. Американцы убеждены, что «Хезболла» ответственна за весь террор против их войск и граждан в Бейруте в 1980-е годы, и хотят рассчитаться с ней.

12 февраля 2008 года Мугнийя был взорван в собственной машине. М. Левитт пишет, что его убийство шокировало «Хезболлу», Иран и Сирию. Генеральный секретарь «Хезболлы» Насралла пригрозил мощными ударами возмездия по Израилю, и группировка подготовила несколько терактов (операция «Радван»); но все замыслы были раскрыты.

Дж. П. Харик полагает, что обвинения «Хезболлы» администрацией США в терактах против американских граждан в 1980-е годы нельзя списать легко — так же, как и нападения на израильтян в Аргентине, которые якобы совершили ее боевики. Однако в отсутствие твердых доказательств эти обвинения сводятся на нет чисто военной деятельностью организации в Южном Ливане с 1985 года. Чтобы избавиться от образа террориста, «Хезболла» предприняла немало усилий внутренней реструктуризации и подержанной СМИ «косметической хирургии». Маловероятно, что в обозримом будущем ливанская армия займет в приграничной полосе место «Хезболлы». Соответственно, Бейрут продолжит отвергать требования ООН, США, Израиля отвести боевиков-фундаменталистов с этой территории. Правительство Израиля, со своей стороны, понимает, что массированный удар по Сирии чреват ответным обстрелом «Хезболлой» его северных поселений. Политическое положение дел в регионе создавало трудную, если не невозможную, ситуацию для войны США с терроризмом. Более того, проводя свой курс в отношении «Хезболлы», администрации Буша, с одной стороны, приходилось занимать антиарабскую позицию, а с другой — подвергаться обвинениям в антиисламской мотивации. Весьма тревожный для

американцев и израильтян аспект ситуации — легкие условия для вмешательства Ирана в дела региона. США и Израиль обвиняли Иран в экспорте исламской революции благодаря финансовой и материальной помощи палестинским группам фундаменталистов. Пример — поимка силами безопасности Иордании членов «Хезболлы», которые пытались провести контрабандой ракеты «Катюша» для активистов интифады. В США взаимодействие между Ираном, «Хезболлой» и палестинскими фундаменталистами рассматривают как угрозу не только Израилю, но и всему Западу.

«В этом сценарии “Хезболла”, возможно, больше, чем любая другая ближневосточная группировка, включая “аль-Каиду”, может быть врагом Запада № 1. Религиозно-воинствующие, дисциплинированные и искушенные в использовании современных коммуникаций, лидеры “Хезболлы”, обученные Сирией и имеющие в своем распоряжении значительные ресурсы, полученные от лидеров Ирана, научились продвигать свою версию исламского активизма среди арабских и мусульманских народов так, чтобы ее не забыли. Например, можно предположить, что радикальные фундаменталистские группы, которые борются со светскими правительствами в Египте, Саудовской Аравии, Пакистане, Индонезии и других странах, не были глухи к джихадистским призывам телеканала “Аль-Манар” и не были слепы, наблюдая за длительной борьбой “Хезболлы” с региональной сверхдержавой в Южном Ливане» (I. P. 200).

По мнению М. Левитта, в посвященных «Хезболле» исследованиях постоянно упускается из виду ее международная деятельность — от сетей финансовой и тыловой поддержки до вербовки агентов и боевиков. А деятельность эта носит глобальный характер.

Первая операция «Хезболлы» в Европе была проведена 13 ноября 1983 года, когда прогремели взрывы на вокзале и в экспрессе Париж — Марсель. В 1985—1986 годах боевики устроили 15 взрывов в Париже. «Хезболла» добивалась освобождения своих арестованных членов, а Иран стремился отомстить Франции за враждебную политику. Французские власти арестовали тунисца Фуада Али Салаха, который предположительно стоял во главе террористической сети под контролем «Хезболлы», и уничтожили ее. Однако террор достиг многих целей: Париж выслал лидера иранской оппозиции «Моджахедин-э хальк» Масуда Раджави, а позднее согласился оплатить 300 миллионов долларов из 1 миллиарда займа Ирана французскому ядерному консорциуму. Как следствие — прямые атаки на французские цели и похищения французов в Ливане прекратились. Тем не менее Европа оставалась ареной ударов «Хезболлы» по израильским, еврейским и американским целям. Аресты агентов «Хезболлы» в Европе влекли новые похищения. Группировка была причастна и к серии убийств иранских диссидентов в 1984—1994 годах в Париже, Лондоне, Вене.

18 июля 1994 года боевики «Хезболлы» взорвали грузовик в Буэнос-Айресе у здания Израильско-аргентинской ассоциации (в Аргентине проживает крупнейшая в Южной Америке еврейская община) — погибло 85 человек (см. II. P. 75). Расследование привело к выводу, что решение о теракте приняло руководство Ирана, а исполнили его боевики «Хезболлы». Правда, расследование шло плохо, и единственными осужденными стали коррумпированные полицейские чиновники, причастные к продаже использованной в теракте машины.

Большую роль в глобализации действий «Хезболлы» сыграла мировая ливанская диаспора. Первая волна иммиграции из Ливана и Сирии в Южную Америку относится еще к 1880-м годам. В 1882—1925 годах в Аргентину из арабских стран въехало более 80 тысяч иммигрантов (см. II. P. 78). Второй наплыв произошел во время ливанской гражданской войны (1975—1990). «Хезболла» начала внедрять агентов и вербовать сочувствующих в этой среде с середины 1980-х годов. Особенно исламисты заинтересовались районном пограничном стыке трех государств: Парагвая, Аргентины и Бразилии. В начале 1970-х он стал превращаться из экономической заводи в центр деловой активности. Вторым городом Парагвая Сьюдад-дель-Эсте быстро становился крупнейшим торговым центром Южной Америки.

Преступники пользуются невысокой степенью контроля в районе пограничного стыка для ведения широкого спектра незаконной деятельности, включая контрабанду оружия и наркотиков, подделку документов, отмывание денег, торговлю людьми. К середине 2000 года в этом районе жили и работали несколько сотен агентов «Хезболлы». Их лидером считался Мухаммад Абдалла. Другой агент «Хезболлы», Фарук Умайри, поддерживал регулярные связи с иранским посольством в Буэнос-Айресе и с мечетью ат-Таухид. Эти двое были собственниками туристического агентства «Piloto Turismo». «Находясь в уникальном положении для обеспечения прикрытия широкого спектра нелегальной деятельности, такие туристические агентства... позволяли субъектам тыловой поддержки терроризма и криминальных расследований получать фальшивые документы, например поддельные паспорта и вид на жительство. Это делало туристические агентства фактическими местами контакта для людей за морем, особенно из Ливана и других стран Ближнего Востока, которые стремились подпольно въехать в район пограничного стыка. Как организации, имеющие дело с большим количеством наличных, туристические агентства могли также служить инструментами подпольного обмена валюты и альтернативными средствами перевода денег» (см. II. P. 80).

«Хезболла» создала в районе пограничного стыка формальные и неформальные сети поддержки, что облегчалось наличием многочисленной ливанской и шиитской общины. Деятельность этих сетей включала создание «спящих» ячеек, которые действовали в рамках строгой секретности; таким образом, члены одной ячейки не знали о членах другой. Умайри оказался причастен и к транспортировке кокаина. Сбором средств занимался личный представитель Насраллы Асад Баракат, игравший к тому же важную роль в террористическом крыле «Хезболлы». Его методы сбора средств включали угрозы лавочникам, точнее — членам их семей в Ливане. В 2002 году бразильская полиция арестовала Бараката по обвинению в уклонении от уплаты налогов. Однако его место быстро заняли другие члены «Хезболлы».

Крупные суммы денег «Хезболла» получала от участия в наркоторговле. В эту сферу она пришла еще в начале 1980-х. Возделывание наркотических растений осуществлялось в самом Ливане, в долине Бекаа, с конца 1970-х годов. Поскольку гражданская война уничтожила многие сферы экономической деятельности, производство марихуаны стало ключевым сектором импорта, в котором участвовали почти все этнические общины и силы Ливана. Со временем ливанские шииты, вовлеченные в производство наркотиков, стали сотрудничать с преступниками из среды ливанской диаспоры в Южной Америке.

В 1990-е годы наркотерроризм «Хезболлы» усиливался. Именно в Южной Америке сочетание наркотиков и терроризма было особенно тесным. В ходе двухлетней операции «Титан» по расследованию контрабанды кокаина и отмывания денег в Колумбии деятелем «Хезболлы» Чикри Харбом полиция вскрыла маршруты транспортировки наркотиков. Харб хвастался тайному агенту американского Управления по борьбе с наркотиками, что способен за несколько часов перебросить в Ливан 950 килограммов наркотиков, задействовав связи «Хезболлы». В ходе операции колумбийские и американские агенты арестовали более 130 подозреваемых и конфисковали 23 миллиона долларов. Сеть Харба предположительно платила «Хезболле» 12 процентов своих доходов от наркотогровли (см. II. P. 105). Среди тех, кто сотрудничал с ней, были члены картеля «Северной долины», правые полувоенные группировки и ФАРК.

Проникновение иранской разведки в Южную Америку после взрыва 1994 года расширялось. Посольства Ирана в регионе были забиты непропорционально большим количеством дипломатов, часть из которых предположительно были разведчиками и террористами. К 2010 году количество представительств Ирана в регионе выросло до 12 (см. II. P. 106). Иран и «Хезболла» продолжают проявлять в регионе высокую активность. Однако еще в 1994 году другие группы оперативников «Хезболлы» занимались сбором средств и операциями в таких частях мира, как Саудовская Аравия, США, Таиланд.

11 марта 1994 года имела место неудачная попытка взорвать грузовик в Бангкоке. В 1998-м полиция Филиппин и Израиля провели совместную операцию, целью которой были филиппинцы, говорившие по телефону с членом «аль-Каиды» Абу Зубайдой. В результате был арестован Панду Юдхавината. То, что началось как поиски глобальных джихадистов, связанных с местными исламистскими группами вроде Исламского фронта освобождения моро, привело к раскрытию сети «Хезболлы» в Юго-Восточной Азии. Организация уже проявила свои операционные способности в Таиланде в 1988 году, захватив самолет, совершавший рейс Бангкок — Кувейт. Арест Панду позволил раскрыть ряд исламистских ячеек в Таиланде. Еще одна сеть «Хезболлы» была раскрыта в Сингапуре. «Примечательны параллели между вербовкой Ираном Панду Юдхавинаты и Устаза Бандея, двух радикальных исламистов из Индонезии. Ни один из них не был шиитом, но оба оставили свои прежние связи с радикальными суннитскими элементами, чтобы действовать сначала как иранские агенты, а затем как ключевые оперативники «Хезболлы» в Юго-Восточной Азии. Оба замечали и вербовали других мусульман региона для Ирана и «Хезболлы», а также участвовали в ее проектах в регионе» (II. P. 125).

Однако в течение следующих десяти лет «Хезболла» продолжала планировать теракты в Юго-Восточной Азии. Так, в 2012 году тайская полиция арестовала ее подозреваемого агента и конфисковала большое количество взрывчатых веществ.

В конце 1980-х «Хезболла» была причастна к убийству секретарей саудовских посольств в Анкаре, Карачи и Бангкоке. Предположительно все трое саудовцев были разведчиками, которые работали под дипломатическим прикрытием, что означает проникновение саудовской сети «Хезболлы» в разведку данной страны.

Еще одной зоной деятельности «Хезболлы» выступает Северная Америка: там имеется многочисленная ливанская диаспора, и сторонники организации занимаются там широким спектром финансовой и тыловой деятельности. Здесь одну из ключевых ролей сыграл чернокожий Абдулла Али (прежнее имя Клевин Холт) — один из первых завербованных «Хезболлой» американцев. Этот ветеран вьетнамской войны был недоволен обращением с ветеранами и расизмом в американском обществе и обратился в ислам. Абдулла Али инструктировал боевиков, служил телохранителем Фадлаллы, а в октябре 1994 года участвовал в похищении в Бейруте американского журналиста Тода Робберсона. В 1986-м вернулся из Бейрута в Вашингтон и работал охранником, а в 1995-м уехал воевать в Боснию (где живет по сей день). Насралла признавал, что оперативники «Хезболлы» участвуют в обучении боснийских боевиков.

«Хезболла» вовлечена в торговлю оружием не только в развивающихся странах, но и на «черном рынке» Запада. Этим занимался, в частности, натурализованный американский гражданин из Ливана Фаузи Мустафа Асси. Была налажена сеть поставок автоматического оружия из Канады. «Хезболла» проявляла все больше внимания к высокотехнологичному оборудованию — такому, как приборы ночного видения, системы ориентации на местности, миноискатели и т. д.

Одним из ключевых деятелей по снабжению в Северной Америке выступал Мухаммад Дбук, который работал под общим надзором Мугнийи. В Канаде «Хезболла» активна еще с 1980-х годов, доставая деньги через преступную деятельность и благотворительность, а иногда наблюдая за потенциальными еврейскими или израильскими мишенями. Также она фабрикует фальшивые проездные документы, а в ряде случаев в Канаде скрывались бывшие в бегах оперативники «Хезболлы». К 1997 году здесь действовала подпольная сеть из 50—100 оперативников «Хезболлы», а количество ее сторонников и сочувствующих было намного больше (см. II. P. 169).

В первой половине 1990-х «Хезболла» активизировала действия против Израиля. «Пока Израиль оккупировал Южный Ливан, “Хезболла” в основном довольствовалась ударами по израильским силам там или на границе. Осуществлять нападения вдоль границы с Ливаном на крайнем севере Израиля — это было одно, но чтобы эффективно подорвать мирный процесс, лидеры “Хезболлы” решили, что необходимо избрать мишенями ключевых израильских политиков, символические места или простых граждан Израиля в торговых районах города» (II. P. 208). Иран стремился координировать операции разных палестинских группировок через «Хезболлу». Однако, с точки зрения иранцев, лишь ее прямое участие гарантировало успех антиизраильской кампании. Вскоре после начала интифады в сентябре 2000 года Иран дал задание Мугнийе укрепить оперативный потенциал ХАМАС и «Исламского джихада». Так, для взрыва смертника 27 марта 2002 года ХАМАС в конструировании мощной бомбы предположительно прибег к услугам специалиста «Хезболлы».

Мугнийя и его помощники еще с 1995 года выполняли программу по инфильтрации в Израиль через третьи страны. Израильская разведка называла самым опасным компонентом деятельности Мугнийи именно строительство оперативной инфраструктуры «Хезболлы» за рубежом, которая позволяла присылать в Израиль агентов из разных частей света, используя

международную систему и ее законы. Ключевым оперативником Мугнийи по вербовке палестинцев и израильских арабов выступал опытный нарко-контрабандист Каис Убайд, дед которого был членом кнессета от арабских граждан Израиля.

«В то время как “Хезболла” вкладывала немало средств в палестинские террористические сети, она продолжала вербовать собственных оперативников для ударов по Израилю, часто задействуя с этой целью свои зарубежные возможности. Особо интересовался Каис Убайд израильскими арабами, особенно после ухода Израиля из Южного Ливана в мае 2000 года» (II. P. 232).

Особое место в своей работе М. Левитт уделяет африканскому направлению деятельности «Хезболлы». «Многочисленная ливанская диаспора в Африке, — пишет он, — давно сделала континент особенно ценным источником финансовой и тыловой поддержки для “Хезболлы”. Независимо от того, много или мало у нее сторонников в каждой конкретной общине, ее оперативники могут легко раствориться в этих общинах. К тому же они могут действовать почти безнаказанно, так как преступность и коррупция в Африке повсеместны. Как объяснил в одном репрезентативном отчете высокопоставленный советник по соблюдению законов в Африке Управления ООН по наркотикам и преступности, этот континент привлекает международную организованную преступность, поскольку состоит из слабых государств, для которых часто характерна коррупция, преобладают слабые и нескоординированные агентства по соблюдению законов и которые привыкли к участию высокопоставленных чиновников в преступной деятельности... Имея контакты в выгодной алмазной отрасли, связи с главами государств, другими видными политиками и крупным капиталом в Африке, живущие там видные ливанские шииты оказались ключевым звеном в зарубежной сети снабжения “Хезболлы”» (II. P. 248). Как показывает череда планов похищений, боевики «Хезболлы» порой используют эту сеть и для проведения террористических операций.

В Африке южнее Сахары «Хезболла» содержит несколько компаний-ширм. После усиления надзора за деятельностью группировки, вследствие взрывов в Аргентине 1992 и 1994 годов, многие ее активисты перебрались из южноамериканского района пограничного стыка в Африку. «Хезболла» и АМАЛ собирают средства среди ливанской диаспоры в Африке разными способами. Они взывают к их религиозным убеждениям, ливанской идентичности или добиваются своего рэкетом. В некоторых частях Африки ливанцы традиционно контролируют крупные сегменты экономики, представляя собой благодатную среду для сбора средств. Так, в бывшем Заире 7 тысяч ливанцев контролировали 40 процентов торговых предприятий столицы (см. II. P. 260).

Среди отраслей экономики, откуда получает средства «Хезболла», выделяется алмазная. «Хезболла» предположительно получила значительные суммы с помощью торговли так называемыми конфликтными алмазами (алмазы, добытые в зонах конфликтов в Африке) начиная еще с 1980-х годов. Так, группировка воспользовалась гражданской войной в Анголе, покупая алмазы у УНИТА до и после введения ООН эмбарго в 1988 году. По сведениям госдепартамента, в 1992—1998 годах УНИТА вывезла алмазов на 3—4 миллиарда долларов (см. II. P. 262). Однако «центром тяжести» «Хезболлы» в Африке стала Сьерра-Леоне, где с 1991 года мятежная армия Объединенный рево-

люционный фронт (ОРФ) воевала с правительством при поддержке президента Либерии Ч. Тэйлора. ОРФ добывал алмазы на подконтрольной территории и сбывал их, предположительно используя связанных с «Хезболлой» ливанских торговцев как посредников. Главным из них был Ибрахим Бах, который сражался в рядах «Хезболлы» в Южном Ливане, затем участвовал в афганском джихаде. В 2002 году два ливанских бизнесмена, с которыми он работал, были арестованы в Бельгии по обвинению в контрабанде алмазов. Однако каналы сбыта «кровавых алмазов» «Хезболлы» продолжали функционировать.

К 1990-м годам оперативники «Хезболлы» стали появляться в районах Африки, где уже действовали суннитские группировки исламистов. Стороны наладили сотрудничество. Так, в 1993 году несколько боевиков «Хезболлы», включая специалистов по взрыву автомобилей, прибыли в Могадишо и могли планировать атаки против сил США и ООН в Сомали; связи с ними установили сторонники местного милитариста Мухаммада Айдида. В ходе войны в Ливане 2006 года вместе с «Хезболлой» сражались около 720 боевиков сомалийского Союза исламских судов (*см. II. P. 269*).

«Присутствие “Хезболлы” в Сомали с 1990-х годов по сей день отражает сдвиг центра тяжести ее операционной деятельности и сбора средств с Западной на Восточную Африку с особым акцентом на Судан. Согласно бывшему директору ЦРУ Джорджу Тенету, в середине 1990-х годов лидер суданского Национального исламского фронта Хасан Тураби не только проводил в своей стране тайные совещания террористов и позволял им создавать в Судане тренировочные лагеря, но и содействовал приезду североафриканцев в лагерь “Хезболлы” в Ливане» (*II. P. 270*). Судан был местом явок и «тихой гаванью» не только для «Хезболлы», но и для членов «аль-Каиды», египетских группировок «Джихад» и «Гамаа», палестинских организаций. Они открыто занимались военным обучением и иногда устанавливали маловероятные связи. Пример — контакты «Хезболлы» и Ирана с высокопоставленными членами «аль-Каиды». В 1991-м или 1992 году стороны заключили неформальное соглашение о сотрудничестве против Израиля и США. Вскоре члены «аль-Каиды» посетили Иран, где прошли обучение в обращении с взрывчаткой.

Одна из сфер, где проявляют активность группы, связанные одновременно с «Хезболлой» и «аль-Каидой», — это контрабанда наркотиков через Африку. По данным ООН 2012 года, транспортировка кокаина через Западную и Центральную Африку приносит около 900 миллионов долларов в год (*см. II. P. 272*). В 2011 году директор национальной разведки США Дж. Клэппер назвал Гвинею-Бисау первым наркогосударством Африки. Царящие в этой стране коррупция и незаконные дела делают ее привлекательным транзитным путем для экспортеров южноамериканского кокаина. Согласно Интерполу и ООН, по меньшей мере частично в эту деятельность вовлечены «Хезболла» и другие террористические группировки. «Хезболла» задействовала в этой торговле ливанские шиитские общины в Южной Америке и Западной Африке. Наркоугроза вскрылась в 2007 году, когда в Гвинею-Бисау и Мавритании были изъяты две перевозившиеся на судах партии кокаина по 630 килограммов каждая (*см. II. P. 273*).

К 2010 году проблема приобрела такую остроту, что американское казначейство назвало наркобаронами бывшего начальника штаба флота и тогдашнего начальника штаба ВВС Гвинеи-Бисау. По данным американских

спецслужб, оперативники «аль-Каиды», «Хезболлы» и ХАМАС сотрудничают в Африке с южноамериканскими и мексиканскими наркокартелями, включая ФАРК. В 2011 году казначейство США внесло в «черный список» ливанского наркоторговца Аймана Джумму, который через сбыт кокаина в Европе и на Ближнем Востоке отмывал 200 миллионов долларов в месяц (см. II. P. 274). «Благодаря своим сетям снабжения по обеим сторонам Атлантики “Хезболла” обладает естественными преимуществами перед латиноамериканскими наркобаронами, которые стремятся перевезти свой товар в Африку или через нее... Давно участвуя в перевозке грузов, ливанские купцы, включая тех, что связаны с “Хезболлой”, имеют хорошие возможности использовать свои механизмы снабжения, чтобы содействовать движению других товаров. С точки зрения транспортировки имеет мало значения, является ли перевозимый товар замороженными курами, сигаретами, бензином или наркотиками» (см. II. P. 275).

За редкими исключениями «Хезболла» использует свои формальные и неформальные сети оперативников и сторонников в Африке только для финансового и тылового снабжения, а не в качестве зоны террористических операций. Во-первых, она предпочитает не рисковать своими позициями на континенте; во-вторых, ливанская диаспора в Западной Африке выступила бы против террористической деятельности из страха, что местные правительства обрушат репрессии на всю ливанскую общину. По мере роста значения Африки как «дойной коровы» для группировки та, похоже, ведет себя здесь все сдержаннее.

По мнению М. Левитта, способность «Хезболлы» продолжать террористическую деятельность была серьезно ограничена терактом 11 сентября. Опасаясь попасть под маховик американской «войны с террором», «Хезболла», похоже, решила свернуть свои международные операции и ограничиться израильскими мишенями. Кроме того, ее готовность заниматься терроризмом за рубежом ограничили соображения ливанской политики. Даже после отставки министров «Хезболлы» в коалиционном правительстве Саада Харири в 2011 году группировка и ее политические партнеры продолжали преобладать в правительстве, что делало ее фактически правящей партией в Ливане. Последствия занятий терроризмом выросли для «Хезболлы» экспоненциально — учитывая возможность ущерба ее позициям в стране и ответного удара по интересам группировки и государства.

Вместе с тем «Хезболла» не отказалась от терроризма вовсе. Было принято решение, что ее террористические сети будут действовать удаленно от политической партии, которой стала их материнская организация. Неслучайно после войны 2006 года Насралла признал: если бы он знал, что похищение «Хезболлой» двух израильских солдат приведет к войне, то не санкционировал бы этого. Однако убийство Мугнийи привело к возобновлению деятельности подразделения «Хезболлы» по международным операциям. Правда, провал операции «Радван» заставил Иран и «Хезболлу» пересмотреть ведение «теневого» войны.

К концу 2009 года Иран был заинтересован в операциях «Хезболлы» с точки зрения не столько локальных вопросов — таких, как месть за гибель Мугнийи, — сколько проблемы устранения угроз его ядерной программе. Иран реагировал на действия враждебных спецслужб, которые уничтожили 50 центрифуг на ядерном заводе в Нетензе (2006) и ликвидировали пять иранских физиков-ядерщиков. В 2010 году Бадр-уд-дин и Хамийя провели

ротацию персонала и обновили оперативные возможности. Иран разработал трехуровневую кампанию террора: удары по израильским туристам, формальным правительственным мишеням (дипломаты, отставные чиновники) и мишени в Израиле или еврейской общине. «Хезболле» было вверено выполнение только первой задачи, а выполнение остальных было передано собственным силам Ирана — Отряду Кодс (часть Корпуса стражей иранской революции), в котором создали «подразделение 400».

Однако перегруппировка сил Ирана и «Хезболлы» не привела к успеху. В 2009—2012 годах потерпели неудачу пять попыток покушений Отряда Кодс: против американского посла в Баку, израильских посольств в Турции, Дели, Тбилиси и Бангкоке. Эти покушения не восстановили пошатнувшегося престижа Ирана, а, напротив, подчеркнули слабость его спецслужб. Недостаток координации между Отрядом Кодс и «Хезболлой» привел к тому, что в нескольких случаях они вели подготовку к терактам в одном и том же месте, не зная друг о друге (например, в Бангкоке).

Работы Дж. П. Харик и особенно М. Левитта показывают, что глобализация — это далеко не только процесс развития системы, но и процесс подъема антисистемных сил. Одна из зон активного развития антисистемных сил в современном мире — Ближний Восток. Идейно-религиозным знаменем антисистемных сил в этом регионе, как и в мусульманском мире в целом, выступает исламизм. Это стало следствием неспособности постколониальных государств обеспечить развитие и реальную политико-экономическую независимость. Исламизм стал реакцией на провалившийся арабский социализм и национализм. Впрочем, некоторые исламистские организации в силу региональных и/или исторических обстоятельств сохраняют элементы национализма — это как раз случай «Хезболлы», напоминающей в этом плане ХАМАС. А вот что отличает «Хезболлу» от ХАМАС, так это глобальный масштаб деятельности.

Если глобализация — это, по словам Г. Киссинджера, всего лишь новый термин для обозначения американского империализма, то сопротивление натиску США и транснациональных корпораций, будь то Ближний Восток или другой регион, приобретает характер глобальной антиимпериалистической борьбы. Борьбы, которую империалисты, естественно, трактуют как терроризм и которая ведется теми же ближневосточными организациями не только на Ближнем Востоке, но по всему миру — в Южной и Северной Америке, в Европе, Юго-Восточной Азии. Помимо прочего, это есть не что иное, как активное проникновение Юга на Север, причем проникновение враждебное, исламистское. Ирония истории заключается в том, что спецслужбы именно Запада/Севера — МИ-6, ЦРУ — в свое время приложили руку к развитию исламистских структур, стремясь направить их против движений и партий левого толка, которые поддерживали СССР. А теперь сам Запад — главная мишень исламистов. Как говорится, «ступай, отравленная сталь, по назначенью».

Мы не знаем, как сложится дальнейшая судьба «Хезболлы». Ясно, однако, что в погружающемся в хаос современном мире роль и масштаб деятельности организаций такого типа будут расти и «много, много непокоя принесут они с собою». Важно направить этот непокой по назначенью. А для этого нужно его изучать. Книги Дж. П. Харик и М. Левитта дают немало информации для размышления по этому поводу. ◆